

В. ПЛОДОВИТОСТЬ

Профанация, нарушающая тайну, не «раскрывает», помимо лица, другое, более глубинное, «я», которое могло бы выразить это лицо; она открывает ребенка. Благодаря тотальной трансценденции — трансценденции транс-субстанциальности — в ребенке я являюсь другим. Отцовство остается самоидентификацией, но оно является одновременно и различием в тождестве, — структура, не предусмотренная формальной логикой. В своих ранних работах Гегель утверждал, что ребенок — это родители, а Шеллинг в «Weltalter» [90], следуя требованиям теологии, выводил эти связи из идентичности Бытия. Для отца обладание ребенком не исчерпывает значения отношения, осуществляемого в отцовстве, где отец обретает себя не только в поведении ребенка, но и в его субстанции, в его единичности. Мои сыновья всегда передо мной (Исайя. 49), но они не только идут ко мне, — «всеми ими ты облечешься, как убранством...» Они — это я, чуждый самому себе. Это я, чуждый себе. Это не только мое творение, мое создание, — даже если бы я, как Пигмалион [91], увидел свое творение ожившим. Сын, которого жаждут в сладострастии, не поддается воздействию, не отвечает реальной возможности. Никакое предвидение не может его представить или, как сейчас говорят, спроектировать. Дерзновенный творческий план, отличающийся новизной, рождается в голове одиночки, и цель его — выяснить и понять. Он разрешается в свете, преобразуя внешний мир в идею. Так что возможность можно определить как присутствие в мире, который по праву превращается в мои идеи. Но чтобы, по ту сторону возможного, наступило будущее ребенка, необходима встреча с Другим в качестве женственного начала. Это отношение похоже на то, что было нами описано, когда речь шла о понятии бесконечного: я не могу сам осознать его так, как я сам осознаю светлый мир вокруг меня. Это будущее не является ни началом, о котором говорит Аристотель (меньшим, чем бытие, наименьшим бытием), ни хайдеггеровской возможностью, конституирующей само бытие и преобразующей отношение к будущему в способность субъекта. Одновременно принадлежащее и не принадлежащее мне, — моя собственная возможность, но также и — возможность Другого. Любимой, — мое будущее не укладывается в логику возможного. Отношение к такого рода будущему, не сводимое к господству над возможным. мы называем плодовитостью.

Плодовитость включает и себя дуализм Самотождественного. Она не указывает на все то, что я могу постичь, — на мои возможности. Она указывает на мое будущее, которое не есть будущее Самотождественного. При этом никаких новых превращений: ни истории, ни событий, которые могли бы произойти с тем, что осталось от идентичности, с идентичностью, держащейся за прочную нить, с «я», которое обеспечивало бы преемственность изменений. И тем не менее — это событие, происходящее со мной, и, следовательно, несмотря на непрерывность, мое будущее, имеющее совершенно новый смысл. Сладострастие в экстазе не лишает «я» личностного начала, оно всегда остается желанием, влечением. Оно не угасает в конце и не иссякает, порывая со своим истоком во мне, даже если и не восстанавливается полностью — во время моего старения и смерти. «Я» как субъект и как основа возможностей не исчерпывает понятия «я», не властвует над

всеми категориями, в которых выражаются субъективность, начало и идентичность. Бесконечное бытие, то есть бытие, постоянно возобновляющееся, — не способное обойтись без субъективности, поскольку без нее оно не может возобновляться, — осуществляется в качестве плодovitости.

Отношение с ребенком — то есть отношение с Другим, не власть, а плодovitость — связывает нас с абсолютным будущим, или с бесконечным временем. Другой, каким я стану, лишен неопределенности возможного, которое, тем не менее, несет на себе отпечаток неизменности «я», овладевающего этим возможным. Недетерминированность возможного не исключает повторения «я», которое, устремляясь к этому недетерминированному будущему, снова встает на ноги и, прикованное к себе, признает трансценденцию попросту иллюзорной, где свобода означает всего лишь судьбу. Различные облики, которые сменял Протей [92], не лишали его самоидентичности. В плодovitости скука от повторения проходит, в ней «я» — другой, молодой, а самость, передавшая свой смысл и свое будущее другому существу, не утрачивает себя в этом самоотречении. Плодovitость продолжает историю по ту сторону старения: бесконечное время не обеспечивает стареющему субъекту вечной жизни. Он — лучший в цепи поколений, поддерживаемый чередой юношеских лет своих детей.

В плодovitости Я преодолевает наполненный светом мир. Не для того, чтобы раствориться в анонимности ил у а, а чтобы идти дальше, за черту света, идти куда-то в другое место. Быть на свету, видеть — то есть постигать раньше, чем постигаешь, — это еще не означает «быть бесконечно», это означает возвращаться к себе более зрелому, то есть к себе, заполненному самим собой. Быть бесконечно означает породить себя в различных образах того «я», которое всегда у истоков и не встречает препятствий для обновления своей субстанции, даже если они следуют из самой его тождественности. Именно так определяется молодость как философское понятие. Отношение к сыну в плодovitости не замыкает нас в рамки узкого пространства света и мечты, познания и власти. Оно свидетельствует о времени абсолютно другого — об изменении самой субстанции того, кто может, — о его транс-субстанциальности.

То, что бесконечное бытие не является возможностью, замкнутой в отдельном бытии, а осуществляется как плодovitость, взывая, следовательно, к инаковости Любимой, свидетельствует о несостоятельности пантеизма. то, что в плодovitости личностное «я» обретает спой смысл, говорит о конце террора, где трансценденция освященного бесчеловечного, анонимного, нейтрального грозит личностям небытием или неистовством. Бытие проявляет себя и как множественное, и как разделенное на Самотождественное и Иное. Это — его предельная структура. Оно есть общество и, в силу этого, время. Таким образом, мы выходим здесь из парменидовской философии бытия. Философия сама является моментом этого временного свершения, словом, всегда адресованным другому. Философия, которую мы здесь излагаем, адресуетя тем, кто готов ее воспринять. Трансценденция — это время, она движется по направлению к Другому. Но Другой не является ее завершением: он не останавливает движения Желания. Другой, которого желает Желание, он тоже — Желание: трансценденция трансцендирует по направлению к тому, кто трансцендирует, — таково настоящее событие отцовства в транс-субстанциальности, позволяющее превзойти простое обновление возможного при неизбежном старении субъекта. Трансценденция — то, что для другого, свойственная лицу доброта —

устанавливает более глубокое отношение: доброту самого добра. Плодовитость, порождая плодовитость, осуществляет доброту — по ту сторону жертвы, предполагающей дар: дар возможности дарения, зачатие ребенка. Здесь осуществляется Желание, которое мы на первых страницах этой книги противопоставили потребности, Желание, не являющееся нехваткой, Желание, которое есть независимость отдельного бытия и его трансценденция: оно исполняется не путем удовлетворения — признавая себя таким образом потребностью, — оно трансцендирует, порождая Желание.

Версия #1

Зверобой создал 2 декабря 2025 20:36:37

Зверобой обновил 2 декабря 2025 20:36:48